Ведь по собственному его признанию, не было в журнале ни одной статьи, от которой бы он отказался, «потому что от редакции выражал мнение редакции, писали *сообща*» [3, с. 256].

«Выжитый факт», «выжитый людьми порядок», «выжитая философия» — выражения, характерные для Достоевского. Отчетом о действительно выжитых в каждый месяц впечатлениях он назовет позднее свой «Дневник писателя», задуманный им (вскоре после выхода в свет романа «Бесы») для того, «...чтоб не пропадало даром множество впечатлений» от фактов действительности, поразивших или заставивших его задуматься [1, т. 29 (II), с. 78]. Но истоки его постоянного живейшего интереса к отраженным в газетной хронике фактам действительности восходят к 1860-м годам, к эпохе гласности и особенно к периоду его работы над первым из его великих романов, именно тогда утвердилась в его творческом методе постоянно присущая ему «тоска на текущему», заставлявшая его внимательно вчитываться в повседневные газетные сообщения и материалы уголовной хроники, читать все главнейшие газеты «до последней литеры» [4].

Исследователям творчества Достоевского известно уже немало газетных фактов, которые дали ему первую мысль и побудили его написать свое художественное произведение, способствовали возникновению в его произведениях важнейших сцен, образов и эпизодов. Ведь ничего, «кроме как из газет» [1, т. 29 (I), с. 141], не знал Достоевский о нечаевском процессе и тогда, когда задумывал памфлетную линию романа «Бесы». Именно газетное сообщение о «нечаевском деле» явилось прямым поводом к началу его работы над «Бесами», и газетные статьи о Нечаеве и нечаевцах стали для него на первом этапе работы над романом главными реальными источниками (к ним, в основном, и обращались исследователи творческой истории романа «Бесы»). Действительно, поразившие великого романиста факты, взятые из текущей газетной хроники, появлялись на страницах его произведений чаще всего как «злоба дня», требующая немедленного «сиюминутного» отклика, «современного» и «своевременного», присутствовали на страницах его романов как свидетельства событий, совершающихся в момент его работы над романом, приурочивались к печати или напоминали читателям о событиях еще недалекого прошлого. Однако встречаются в его творчестве и такие поразившие его воображение и заставившие его задуматься еще в давние годы факты, которые не исчезали в его памяти бесследно, откладывались в ней, как бы накапливаясь, и вспыхивали вновь в его уме и сердце в минуты создания произведения, в котором он продолжал отстаивать волновавшую его всю жизнь идею или возвращался к мотивам, не дававшим ему покоя.

О таких впечатлениях от фактов действительности, «выжитых» Достоевским в самом начале 1860-х годов и в период создания романа «Преступление и наказание» и вспыхнувших в его творческом сознании в минуты создания IX главы «Бесов», пойдет речь в нашем сообщении.

Вспомним: Лиза Тушина, предлагая Шатову проект издания книги, основанной на накопившихся за определенный период времени фактах, собранных из российских газет, говорит: «...главное в плане и в характере представления фактов ⟨...⟩ Можно многое выпустить и ограничиться лишь выбором происшествий, более или менее выражающих нравственную личную жизнь народа... Конечно, все может войти: курьезы, пожары...». Но «все», по ее мнению, должно войти «с известным взглядом, с указанием...» [1, т. 10, с. 103—104]. О литературном предприятии такого рода, по свидетельству А. Г. Достоевской, мечтал уверенный в пользе и успехе подобной книги и сам Федор Михайлович, приглашавший ее в сотрудницы по классификации вырезок из газет [5].

По приглашению Лизы Тушиной в обсуждении проекта такой книги участвует, кроме Шатова, еще одно из ведущих лиц романа, впервые в творчестве Достоевского названное хроникером. Он напоминает газетчика — типичную и весьма модную в русской журналистике начиная с 1860-х годов фигуру — репортера, умеющего ориентироваться в хаосе текущих событий, главного составителя «Внут-